

Судя по отметкам на карте маршрута, чтобы добраться до посёлка Таосян, нужно было миновать пять посёлков — больших и малых. На глаз выходило никак не меньше нескольких сотен ли.

Пешком, за короткое время, пройти этот путь было невозможно.

За долгое время — тоже.

Даже если бы у Се Цзиньхуаня и хватило на это упорства, рана на ноге не позволила бы ему выдержать.

Вообще-то, его первоначальный план был совсем не таким.

Покинув поместье Се, он должен был всё время идти в восточную часть города, до самого её края, где находилось несколько каретных дворов. Ему следовало выбрать двор под руководством семьи Чэнь — у них имелся обоз, который мог добраться до посёлка Таосян.

То, что всё обернулось случившейся бедой, стало полной неожиданностью и для него, и для его матери.

Весь план шёл как по маслу: глубокой ночью его тайно выпустила стража, специально приставленная мамой; оставалось лишь перелезть через дворовую стену — и напрямик к каретному двору.

Вот только никак нельзя было предположить, что, перебираясь через стену при побеге, он в самый неподходящий момент потеряет равновесие и рухнет вниз. Сам он сильно не пострадал, но, как назло, он повредил именно ногу.

Пока он тащился на раненой ноге и наконец с огромным трудом добрался до каретного двора семьи Чэнь, прошло уже много времени, совсем рассвело. И ещё издалека он увидел, что у входа в каретный двор отчётливо маячат фигуры слуг из поместья Се.

Они жестикулировали перед управляющим — вне всяких сомнений, искали его!

Се Цзиньхуань до смерти перепугался и замер на месте. Разве он мог подойти ближе?

Если бы его узнали, разве это не было бы равносильно добровольной сдаче в ловушку? Тогда бежать стало бы уже некуда.

Поэтому он снова поволок ногу к городским воротам, в душе молясь, чтобы его отец не поступил слишком уж безжалостно и дал бы ему сначала благополучно выбраться из города.

И вот теперь, когда он оказался за городом и увидел эту уходящую за горизонт просёлочную дорогу да простирающиеся вдалеке бескрайние леса, перед ним снова встала неразрешимая задача.

Разве сможет он с одной лишь раненой ногой преодолеть эти сотни ли?

Се Цзиньхуань убрал карту и принялся разглядывать людской поток, что тёк через городские ворота взад-вперёд.

Единственный шанс — это посмотреть, не удастся ли сесть на какую-нибудь повозку. Не важно, конную или воловью; пусть даже не по пути, лишь бы добраться до ближайшего посёлка — а там первым делом подлечить ногу.

Он вовсе не хотел остаться из-за этого калекой. Остаться хромым — значило бы погубить всю свою жизнь!

Благо, час был ещё не поздний, и желающих покинуть город всё ещё хватало. При везении можно было встретить какого-нибудь добросердечного человека.

Однако не успел он и рта раскрыть, чтобы попроситься на повозку, как у городских ворот снова поднялся переполох.

Из города с грозным видом вышли больше десяти стражников. Их взгляды шарили вокруг, словно они кого-то разыскивали.

Одного из них Се Цзиньхуань очень хорошо запомнил: это был тот самый стражник, который заявил, что он слишком женственный, и собирался задержать его.

Этот тип сжимал в руке портрет и хватал за грудки первого встречного за городом:

— Эй, не видал ли хромого, шибко смахивающего на этот портрет?

Перепуганный горожанин лишь отчаянно мотал головой:

— Не... не видал...

Тогда он совал портрет прямо в лицо другому:

— А ты, может, видал?

— Я... я тоже не видал!

Стражники проверяли каждого по очереди, допрашивая всех, кого видели. Кольцо поиска быстро сжималось вокруг Се Цзиньхуаня.

В ужасе, с бешено колотящимся сердцем, он едва снова не сорвался в бегство. Но боль в ноге заставила его мыслить трезво.

Нельзя бежать! Нельзя!

Волочить эту ногу бегом — всё равно что самому выдать своё местонахождение!

В панике краем глаза он заметил какую-то скорчившуюся на земле фигуру в отдалении. И тут его внезапно осенило. Без малейших колебаний он зачерпнул грязь у себя под ногами и принялся размазывать её по лицу и одежде. Затем сорвал с волос ленту и быстро растрепал свои длинные пряди.

И только когда решил, что его вид стал похож на того человека, он засунул узелок за пазуху, свернулся калачиком и улёгся на землю, притворяясь спящим.

К счастью, всё внимание людей было приковано к стражникам, и никто не смотрел в его сторону. То, что он проделал, осталось незамеченным.

Стражники скоро добрались с расспросами и до него. Один из них заметил лежащего на земле Се Цзиньхуаня и пнул его ногой.

— Эй, ты! Не видал хромого, похожего на него?

Се Цзиньхуань не ответил.

Стоило ему подумать о том, что он собирался сделать дальше, как его охватывало чудовищное напряжение, даже пальцы начали мелко подрагивать.

Но всё решалось здесь и сейчас. Ему было не до чего другого. Очертя голову, он выбросил вперёд покрытую коркой грязи, так что и цвета кожи не разобрать, руку и молниеносно вцепился в подол стражника.

— Господин... будьте так добры... — прохрипел он надтреснутым, сухим голосом. — Подайте что-нибудь поесть... Я так голоден... с голоду умираю... умоляю вас...

Стражник, застигнутый врасплох «чёрной лапой», опустил взгляд и увидел на своей безупречно чистой форменной одежде несколько грязных отпечатков. Он мгновенно пришёл в ярость.

Не обращая внимания, что человек на земле выглядит ни живым ни мёртвым, он пнул его ногой, вырывая из захвата подол своего платья.

— Пошёл прочь, пошёл, проваливай! — разразился он бранью. — Побираться к стражникам лезет, да тебе, видать, жить надоело!

Се Цзиньхуаня скрутило от резкой боли в животе после пинка. Свернувшись в клубок, он хватал ртом воздух.

Стражник же не выказал ни капли сожаления. На лице его читались лишь безгливость и нетерпение.

В последнее время на улицах и впрямь расплодилось слишком много бродяг и нищих. Эти бездельники повсюду искали неприятностей и то и дело устраивали стычки с городскими обывателями, отчего у их управы голова шла кругом.

Он ткнул лежащего на земле ножами:

— У городских ворот попрошайничать запрещено! Хочешь подохнуть — подыхай где-нибудь ещё! А ну, живо проваливай!

Се Цзиньхуань с трудом поднялся с земли. Под пристальным взглядом стражника ему не оставалось ничего другого, кроме как поковылять к большой дороге.

Шёл он медленно. При каждом шаге ногу пронзала острая боль. Но стражник сверлил его взглядом, и остановиться он тоже не смел. Оставалось лишь терпеть и стараться идти как можно более естественно.

Обыскав всё вокруг за городской стеной и не найдя того, кого искали, стражники начали ворчать:

— У Сань, ты точно уверен, что видел молодого господина Се? Мы уж столько времени ищем, а того, о ком ты говорил, так и нет!

У Сань был тем самым стражником, который заподозрил Се Цзиньхуаня. Тогда он и вправду решил, что Вэй Чэн говорит дело, и отпустил парня.

Но чуть позже он снова почувствовал, что тут что-то нечисто. Интуиция твердила ему: этот человек определённо связан с тем гэрмом из семьи Се!

Даже если это и не сам Се Цзиньхуань, он точно как-то с ним связан.

Поэтому он немедленно доложил начальству и нарочно взял людей в погоню. И кто бы мог подумать, что тот успеет так быстро скрыться.

Он ведь хромой! Как он мог убежать так скоро?

У Сань тоже начал злиться:

— Думаете, мне забавы ради вас обманывать охота? Вэй Чэн тогда разве не видел его тоже? Это он мне сказал не вмешиваться!

Вэй Чэн, видя, что огонь перекинулся на него, ответил с неприязнью:

— Протри глаза да погляди хорошенько! Тот гэр из семьи Се не хромой!

Он всё отчётливо разглядел: тот юнец хромал самым настоящим образом. Притвориться так было никак невозможно.

— Ладно, хватит, возвращаемся. Продолжим поиски. Этот парень точно ещё в городе!

По мере того как солнце поднималось всё выше, поток людей, покидающих город, постепенно редел. Досмотрев впереди идущий купеческий караван, стражники остановили ехавшую следом повозку.

Возница натянул поводья, плавно остановил лошадей и учтиво произнёс:

— Господа стражники, благодарю за труды.

Стражник первым делом взглянул на флаг с эмблемой на повозке: на нём красовались четыре иероглифа «Каретный двор Шэнсин».

Он прослужил на городских воротах пять лет и, само собой, знал, чем занимается этот каретный двор. В обычные дни он задал бы пару вопросов и пропустил без лишних слов.

Но сегодня всё было иначе. Сверху поступил приказ: проверять лично каждого, кто покидает город. Упусти он кого по недосмотру и случись беда, гнев начальства падёт на него одного. Такого он бы не вынес.

— Кто внутри повозки? Пусть все выходят для осмотра.

Возница был старым умельцем, всякого наездил за многие годы и к подобным вещам давно

привык. Не задавая лишних вопросов, он честно отрапортовал:

— Двое братьев, направляются в посёлок Таосян.

С этими словами он обернулся и отдёрнул занавеску повозки.

— Господин стражник, взгляните сами ~

<http://bllate.org/book/19685/1949348>